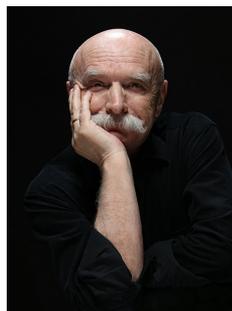

ОБЗОР МЕРОПРИЯТИЯ

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ МАКАРЕНКО

доктор политических и философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: vpmakar1985@gmail.com

От наукометрии к романтизму: контуры меморизации Эдуарда Израилевича Колчинского

УДК: 929

DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-175-183

Рассмотрены основные итоги проведенного в Южном федеральном университете онлайн-семинара, посвященного памяти профессора Эдуарда Израилевича Колчинского (1944–2020). Дан очерк науковедческих, социологических, историко-научных, биографических, компаративных, поколенческих, политологических, литературоведческих и мемориальных проблем разработки научного и мемуарного наследия ученого.

Ключевые слова: Эдуард Израилевич Колчинский, наукометрические данные о его творчестве, меморизация.

В 2020 г. ушел из жизни Эдуард Израилевич Колчинский. 19 февраля 2021 г. в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону) состоялся онлайн-семинар, посвященный его памяти.

С этим вузом покойный профессор был связан на протяжении предыдущих пятнадцати лет. Здесь проводилась конференция по книге «Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки» (редактором-составителем которой он был), читался спецкурс на ее основе для студентов факультета социологии и политологии. Он регулярно печатался в электронном издании «Политическая концептология: Журнал

метадисциплинарных исследований», бывал в спортивно-оздоровительном лагере ЮФУ «Лиманчик» (Абрау-Дюрсо). Внес вклад в становление клуба «Интеллектуальный Ростов» — одной из предпосылок всероссийского теоретического семинара ЮФУ «Русская мысль и политика» (результаты работы этого семинара см.: [Интеллектуальный Ростов, 2014; Интеллектуальная тревога, 2015; Россия — Украина, 2016]). В Южном федеральном университете продолжается осмысление личности и дел Э.И. Колчинского.

В начале онлайн-семинара руководители Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Р.А. Фандо), Южного федерального университета (Е.Л. Муханов), Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Н.А. Ащеулова) отметили значительный вклад Э.И. Колчинского в отечественную и мировую науку.

Первый акт меморизации Э.И. Колчинского исполнили петербургские коллеги в опубликованном некрологе: «Его уход из жизни трудно осознать: на столе и вокруг до сих пор лежат горы книг, а в редакциях нескольких журналов готовятся к публикации его многочисленные статьи. И почти невозможно было заметить в его живом взгляде и эмоциональных, а порой и резких словах тихую грусть, что человек не вечен и в этом не всемогущ... Впрочем, Эдуард Израилевич, с его неизменной самоиронией, очень старался упоминать о болезнях легко и был благодарен близким за поддержку, не забывая при этом хвалить врачей, которые, как он в шутку любил говорить, “продлили его онтогенез”.

Эдуард Израилевич Колчинский — человек мощный, противоречивый, в чем-то даже “неудобный”. Если попытаться прорисовать его портрет несколькими штрихами, то прежде всего бросается в глаза невероятное чувство ответственности, которой Эдуард Израилевич как ученый и как администратор не только никогда не боялся, берясь за самые отчаянные, казалось бы, проекты, но и, напротив, видел в ней свою свободу, даже когда с его решениями не все были согласны и ему приходилось идти против течения. Это чувство юмора — неременное, с точки зрения Эдуарда Израилевича, условие для полноценной научной деятельности, высвечивающее некую относительность опыта и познаний человека, каких бы высот он ни достиг, и позволяющее конструктивно справляться с ошибками. (“Науку нельзя делать со звериной серьезностью”, — не раз цитировал Эдуард Израилевич знаменитого генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского.) Это страстная увлеченность каждым своим делом: казалось, что Эдуарду Израилевичу никогда не бывает “все равно”. Это фантастическая работоспособность. Наконец, это благодарность учителям — в самом широком смысле» [Зенкевич и др., 2020, с. 127].

А.И. Ермолаев и А.А. Федорова (Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН) рассмотрели наукометрические итоги научной деятельности Колчинского. В Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) включена 361 публикация Колчинского (менее половины его научного наследия). Эти публикации процитированы 2 797 раз. Всего в РИНЦ зарегистрировано 3 051 цитирование Колчинского, оставшиеся «за бортом» 250 с лишним цитирований отсылают к не введенным в РИНЦ публикациям или повторяют предыдущие.

Индекс Хирша у Э.И. Колчинского, по данным РИНЦ, равен 24. Если учитывать книги, где он был составителем (ответственным редактором), то индекс вырастает до 31. Эта цифра невелика в сравнении с результатами представителей есте-

ственных наук или «чистых» философов (которые с удовольствием ссылаются друг на друга), но весьма значительна, если сравнивать ее с науковедами и историками науки. Ученые этих специальностей обычно ссылаются друг на друга значительно реже. Э.И. Колчинский всегда входил в топ-десятку по цитированиям среди ученых ИИЕТ (живых и покойных). Его «опережали» философы, психологи и социологи, а не историки науки.

Анализ двух десятков помещенных в РИНЦ монографий Э.И. Колчинского показал, что практически все они (за исключением отдельных брошюр) активно цитируются. Книга «Биология Германии и России—СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века» (2006) за 14 лет накопила 89 цитирований (в среднем по 6,4 в год), «Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века» (2014) — 34 цитирования (5,6 в год), «Мобилизация и реорганизация науки и образования в годы Первой мировой войны» — 14 цитирований (7,0 в год) и так далее. При этом высокоцитируемые монографии — «Эволюция эволюции» (1977, в соавторстве с К.М. Завадским), «Развитие эволюционной теории в СССР» (1983, коллективная, под ред. Колчинского), «Эволюция биосферы» (1990) — не могут быть достоверно оценены с помощью РИНЦ, потому что подавляющее число ссылок из работ XX в. там не учтено. Но можно констатировать, что их популярность не снижается в течение уже нескольких десятков лет. Это говорит о долговременном влиянии этих книг на научный процесс в России.

Для самого Колчинского публикация в зарубежных журналах была в первую очередь возможностью популяризации важных для него исследовательских проектов среди зарубежной аудитории. Первые его работы, проиндексированные в базах *Web of Science* и *Scopus*, относятся к 1982 (!) и 1999 г. С 2004 по 2016 г. в системе *WoS* каждые два года стабильно индексировались одна-две статьи Э.И. Колчинского, которые тем не менее практически не цитировались в журналах, входящих в эту систему. Однако в 2017 г. ситуация кардинально изменилась: за четыре года в крупнейшие зарубежные базы вошли сразу 10 работ Колчинского. Значительно вырос его индекс цитирования в обеих базах, составляющий сейчас три пункта. По состоянию на сегодняшний день 21 статья Э.И. Колчинского проиндексирована в *Web of Science*, 13 — в базе *Scopus*. В среднем на каждую статью приходится не менее двух цитирований, а абсолютным «рекордсменом» по их числу стала статья “Russia’s new Lysenkoism”, опубликованная в журнале “Current Biology” в 2017 г. (12 цитирований).

Сегодня работы Э.И. Колчинского востребованы буквально по всему миру (что нетрудно проследить по карте упоминаний его статей). Ими интересуются не только историки биологии, но также исследователи, специализирующиеся в смежных областях, — генетики, экологи, науковеды. Нельзя не отметить, что его работы, как русско-, так и англоязычные, активно обсуждаются на площадках научных социальных сетей, ведению которых он придавал большое значение в последние годы. 98 его работ опубликовано в открытом доступе в сети *Academia.edu*, где на Колчинского подписаны более 150 ученых со всего мира. Его профиль на *ResearchGate* входит в топ-30 самых продуктивных в этой социальной сети: на начало 2021 г. его работы были прочитаны более 14 тысяч (!) раз, а средний индекс цитирования на площадке составил 6 пунктов.

Участник семинара А.Н. Родный (ИИЕТ РАН) рассмотрел взаимосвязь проблем, поставленных в книге Э.И. Колчинского и Е.Ф. Синельниковой «Самоорганизация

российской науки в годы кризиса: 1917–1922» (2020), с научной биографией крупного историка науки. Эта взаимосвязь естественна, поскольку Колчинский был рефлексирующим ученым с автобиографическим наследием. Он изучал историю науки в периоды ее социально-экономических, политико-идеологических, социокультурных и когнитивно-институциональных кризисов. А сам в условиях мощной социальной турбулентности занимал позицию одного из лидеров дисциплинарного научного сообщества. Поэтому его биография образует чрезвычайно интересный объект исследования.

Александр Нимиевич назвал себя «бескорыстным» интересантом жизни и деятельности Колчинского и предложил рабочий подход к изучению проблем существования отечественной науки в условиях кризиса. Основные понятия такого подхода — реформирование и модернизация науки, мотивация, профессиональная мобильность, романтизм и девиантное поведение ученых.

Становление Э.И. Колчинского как ученого произошло в СССР, в атмосфере одной из самых продуктивных отечественных историко-научных школ философа и биолога К.М. Завадского. Здесь, на стыке естествознания, философии и истории науки в 1970-х гг. сформировалась научная программа «Эволюция эволюции», нацеленная на пересмотр положения о неизменности в процессе эволюции самих ее факторов и причин, что явилось мощной творческой мотивацией для всей последующей деятельности Колчинского как ученого и организатора науки.

Эта программа и ядро крупных ученых, сформировавшихся вокруг эволюционных идей, несли в себе значительный междисциплинарный исследовательский потенциал в области естествознания, а также «кризисную историю» советской биологии, что в дальнейшем дало выход на широкомасштабное изучение социальных кризисов в науке. Этот шаг профессиональной мобильности ученого был сделан тогда, когда Колчинский стал лидером дисциплинарного сообщества отечественных историков науки и способствовал его выживанию в новом столетии.

А.Н. Родный подчеркнул, что на основе историко-научных исследований Э.И. Колчинского и осмысления его деятельности как организатора науки можно разработать модель функционирования кризисной науки во взаимосвязи процессов модернизации (реформирования), романтизации и девиации. Самая трудная задача — уловить характер процесса романтизации, протекающего в глубинах науки, тогда как на поверхности видны события, связанные с модернизацией и девиацией. Но как раз романтизм ученых позволяет им сохранять определенные базовые ценности науки в условиях проведения реформ, которые соответствуют интересам номенклатурного класса, обладающего привилегиями и собственностью. По существу, этот класс есть главный фактор девиантного поведения ученых.

Л.Г. Берлявский (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону) развил мысль о том, что для Э.И. Колчинского проблема соотношения науки и кризисов была одной из магистральных как в его собственном творчестве, так и в работе возглавляемого им института.

В освоении этой темы выделяются три значимые вехи: подготовка и выход в свет в начале 1990-х гг. двух томов новаторского сборника «Репрессированная наука» под редакцией М.Г. Ярошевского, в первом из которых была опубликована программная статья Э.И. Колчинского «Несостоявшийся “союз” философии и биологии (20–30-е годы)»; монографическое исследование Э.И. Колчинского «В поисках советского „союза“ философии и биологии» (1999); историко-сравнительные

очерки «Наука и кризисы» (2003), редактором-составителем которых выступил Э.И. Колчинский.

В этих работах Э.И. Колчинский и его соавторы исходили из того, что кризисное состояние науки в России означало слом прежних отношений между учеными, обществом и властью. Подобная модель характеризовалась как обычная для взаимодействия науки и власти в периоды, требовавшие максимальной мобилизации ресурсов. Кризисные моменты в жизни государства и общества вынуждали власть и ученых искать новые формы взаимодействия. Складывалась новая конфигурация отношения науки к власти, изменялся общественный статус ученых, модифицировались тематика и язык научных исследований, ритуалы научных мероприятий, традиции и этика научного сообщества. Научная интеллигенция, воспринимая себя как носителя национального разума, способного дать рациональные формы общественной жизни, всегда претендовала на активное участие в управлении государством и выработке стратегических решений.

«Разные пути — вклад один», — так обозначил название своего сообщения *В.М. Лейбин* (Московский институт психоанализа). Он сказал: «В 1965 году я поступил на философский факультет ЛГУ. Среди студентов был и Эдик Колчинский, которого я встречал в аудиториях. Правда, мы не были друзьями, поскольку в общении я общался с теми, кто, отслужив армию, поступил в данный университет.

И хотя у нас не было общих точек соприкосновения по научным предметам, поскольку Эдуард Колчинский увлекся философскими вопросами биологии и проблемами истории эволюционного учения, а я — западной философией и психоанализом, тем не менее наши результаты в науке в чем-то совпадали.

В 1969 г. я поступил в аспирантуру Института философии АН СССР в Москве, Колчинский — в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР. В 1972 г. я стал кандидатом философских наук, Колчинский достиг такой степени в 1973 г. Я подготовил докторскую диссертацию и получил докторскую степень по философии в 1982 г. Колчинский стал доктором философских наук в 1986 г. В течение ряда лет я и Колчинский работали в институтах сначала младшим, затем старшим, ведущим и главным научными сотрудниками.

Каждый из нас занимался наукой. Кроме того, в течение ряда лет мы были преподавателями в различных вузах, читали лекции для студентов. Впоследствии стали профессорами. Колчинский был профессором факультета философии и политологии Санкт-Петербургского университета, я — профессором основ клинического психоанализа Московского института психоанализа.

Правда, мы придерживались различного стиля жизни.

С 1995 по 2015 г. Колчинский был директором Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени Вавилова. Ему, кроме науки, приходилось заниматься проблемами взаимодействия между учеными и властью, нахождения компромиссов между интеллектуальными и политическими кругами общества.

Я не стремился стать заведующим сектора или отдела в институте РАН, хотя продолжал заниматься научными исследованиями в области глобалистики, информатики и одновременно в сфере психоанализа. Политикой просто не интересовался, поскольку были другие интересы, связанные с семьей, воспитанием троих детей, общением с шестью внуками и внучками, театром кукол «ФАНИ», который мы создали с женой, написанием стихов как для детей, так и для взрослых.

Однако, несмотря на мои увлечения, я по-прежнему занимаюсь научной и преподавательской деятельностью. Публикую книги, статьи, читаю лекции. В этом плане, хотя у нас были разные пути, вклад в науку и преподавание студентам, явилось, по сути дела, общим с Колчинским.

К сожалению, волею судьбы Эдуард Колчинский не дожил до сегодняшнего дня. Но осталась память о человеке, с которым мы вместе учились на философском факультете ЛГУ и который внес свой посильный вклад в науку».

В.П. Макаренко (ЮФУ) рассмотрел мемуары Э.И. Колчинского [Колчинский, 2014] с точки зрения ровесника. Возрастную когорту рождения 1942–1944 гг. поэт Борис Слуцкий, как известно, назвал «последним поколением войны», предложив оценивать это поколение по критериям знания, правды и удачи, достигнутых ими. Отсюда при анализе биографии Колчинского вытекают три вопроса: какое знание он предпочитал и развивал? как в его трудах связаны проблема универсальной научной истины с локальным православно-славянским представлением о правде (справедливости)? что считать удачей в его жизни и творчестве? Эти вопросы можно расширять по мере овладения набором концептов, которые ныне существуют в науковедении и социальной истории науки. Таков первый набросок исследовательского поля меморизации жизни и творчества Колчинского.

С хронологической точки зрения пять основных разделов и 49 параграфов мемуаров Колчинского нетрудно связать с опытом и размышлениями его ровесников. По каждому разделу и параграфу у каждого из них есть свои мнения и сомнения, размышления и убеждения, реализованные замыслы и нереализованные идеи, вытекающие из индивидуального «былого и дум». Образы «потерянных поколений» и «безмолвствующих большинства» здесь не помогут, потому что каждый оставшийся в живых до сих пор участвует в создании «поколенческой матрицы». При ее монтировке надо усвоить урок покойного профессора: он излагает свою биографию не просто как разновидность семейных альбомов (хотя они есть в книге), а как классификацию множества социальных фактов (в смысле Э. Дюркгейма) в переплетении с системой ценностей (норм и идеалов поведения), которые сложились среди его одноклассников еще в школе.

Система такова: оценка друг друга с точки зрения личных достоинств и индивидуальных способностей, а не происхождения, богатства, конкуренции; отрицание стандартов советского ученика и комсомольца; приоритет дружбы над официальным коллективизмом, завистью, социальной дифференциацией; уважение способных, предприимчивых, смелых, независимых и сильных; презрение к подхалимам, зубрилам, доносчикам, чекистам, «бдительным гражданам»; чтение с утра до вечера классической литературы, а не детективов и книг про «войнушку».

Можно ли считать эти ценности универсально-человеческими, или же их применимость ограничена поколением 1942–1944 годов рождения? Здесь открывается поле для полемики. Видимо, не надо доказывать, что множество наших ровесников исповедовали те ценности, которые Колчинский отвергал. Он же отстаивал эту систему ценностей на протяжении всей жизни. Поэтому в ходе обсуждения А.Н. Родный вполне уместно назвал ее романтизмом. Оказывается, в эпохи кризисов (и жизнь Колчинского это подтверждает) наука не может сохраниться без романтиков. А значит, конфликт внутри поколения не менее важен, чем традиционный конфликт «отцов и детей», — подчеркнул В.П. Макаренко.

Мемуары Колчинского остаются злободневными, поскольку его ценности противостоят комплексу современных российских феноменов (милитаризации памя-

ти, специфике профессии поэта и писателя, моде «на корни», тотальному обскурантизму, реформе науки, геополитическому жаргону, стремлению вершины власти навязать научному сообществу историографические схемы и пр.), с сарказмом описанных в книге. Его текст содержит множество конкретных фактов и научных аргументов, необходимых для разработки контридеологической аналитики (см. об этом: [Философия и идеология, 2018]). Выдающийся ученый оставил нам площадку для дискуссии по всем перечисленным вопросам.

Ю.М. Батури́н (ИИЕТ РАН) тоже проанализировал книгу воспоминаний Э.И. Колчинского «Так вспоминается...» [Колчинский, 2014], предложив свой вариант расшифровки попутно созданной Э.И. Колчинским классификации мемуарно-автобиографической литературы. Обычная задача мемуариста — «восстановление» образа времени и, конечно, себя в описываемое им время. Именно временной аспект в хронотопе мемуара чаще всего кладется в основу классификации мемуарной литературы. Он же положен в основу классификации Колчинского. Но его подход совершенно не похож на литературоведческие виды систематизации.

Многочисленные беседы и диалоги создали базу для книги воспоминаний, а переосмысление этих диалогов, рефлексия над ними стали основным инструментом Колчинского при работе над книгой. Мемуары Колчинского сложились в систему множества предварительных рефлексивных взаимодействий-диалогов. Система утрачивает «строительные леса» в виде передачи прямой речи в беседах и становится целостной конструкцией, приобретая все свойства услышанного в диалогах и обдуманного. Такая конструкция мемуаров не была бы возможна без авторефлексии автора, помогавшей ему оставаться критически настроенным к самому себе и выдерживать заранее намеченную им линию «нейтральности» при полностью осознаваемом им субъективизме, который он расценивал как высшую ценность мемуаров («Чем больше субъективность мемуаров, тем больше их ценность, так как мемуары, хотя и рассказывают о людях, годах и событиях, но не столько воскрешают забытые имена и факты, сколько раскрывают духовно-нравственный мир повествователя через восприятие пережитых им событий»).

Само название жанра — «мемуарно-автобиографический» — удачно включает в себя и рефлексия мемуариста над воспоминанием, и авторефлексию. Мемуарист живет в двух временах — в настоящем, в котором он пишет, и в описываемом им времени (временах). Отсюда возникает диалог двух «Я», которые всматриваются друг в друга, а следовательно, протекает процесс авторефлексии применительно к изменению своих состояний личности. Соотношение рефлексии и авторефлексии во множестве мемуаров различно, но у Э.И. Колчинского наблюдается явное смещение в пользу авторефлексии. Именно потому что он писал, главным образом, о других. И написал о своем восприятии событий и людей.

Подводя итоги онлайн-семинара, В.П. Макаренко отметил: статистика возрастного состава населения современной России показывает, что примерно три четверти ее нынешних жителей родились в СССР, а четверть уже тогда, когда Союз «приказал долго жить». Поэтому отношение к советскому прошлому дифференцирует группы населения на уровне индивидуальной, групповой, социальной, политической, идеологической, культурной и поколенческой идентификации. Нынешняя российская власть одновременно действует по шаблонам позднего сталинизма и способствует тому, что почти половина населения одобряет политический режим семидесяти- и более летней давности (см.: [Добренко, 2020]). Значит, желаем мы

того или не желаем, происходит сознательное *ограничение* памяти и пространственно-временного воображения людей до того клочка земли и момента исторического времени, в котором мы случайно возникли и бесследно исчезнем.

На этом фоне воспоминания выдающегося ученого заслуживают особого внимания.

Литература

Добренко Е. Поздний сталинизм: Эстетика политики: В 2 т. М.: Н. Л. О., 2020. 712, 600 с.
Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Музрукова Е.Б., Ащеулова Н.А. Памяти главного редактора: Эдуард Израилевич Колчинский (1944–2020) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 127–137.

Интеллектуальный Ростов: Книга дискуссий / Отв. ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014, 696 с.

Интеллектуальная тревога: Проблема лжи и цинизма в политике / Отв. ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015, 270 с.

Колчинский Э.И. Так вспоминается... СПб.: Нестор-История, 2014. 572 с.

Россия — Украина: Пересмотр или воспроизводство политических парадигм? / Отв. ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016, 736 с.

Философия и идеология: От Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов; сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 464 с.

From Scientometrics to Romanticism: Contours of the Memorialization of Eduard Izrailevich Kolchinsky

VIKTOR P. MAKARENKO

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: vpmakar1985@gmail.com

The article highlights the main outcomes of the online seminar organized at Southern Federal University in memory of Professor Eduard Izrailevich Kolchinsky (1944–2020). The agenda included the description and discussion of sociological, historical-scientific, biographical, comparative, generational, political, literary and memorial problems in the development of Kolchinsky's scientific and memoir heritage.

Keywords: Eduard Izrailevich Kolchinsky, scientometric data, memorialization.

References

Dobrenko, E. (2020). *Pozdnyy stalinizm: Estetika politiki* [Late stalinism: The aesthetics of politics], t. 1–2, Moskva: N.L.O. (in Russian).

Guseynov, A.A., Rubtsov, A.V. (Resp. eds.), Rubtsov, A.V. (Comp.) (2018). *Filosofiya i ideologiya: Ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and ideology: From Marx to postmodernity], Moskva: Progress-Traditsiya (in Russian).

Kolchinsky, E.I. (2014). *Tak vspominaetsya...* [So I remember ...], S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Makarenko, V.P. (Ed.) (2015). *Intellektual'naya trevoga: Problema lzhi i tsinizma v politike* [Intellectual anxiety: The problem of lies and cynicism in politics], Rostov-na-Donu: Southern Federal University Press (in Russian).

Makarenko, V.P. (Ed.) (2014). *Intellektual'nyy Rostov: Kniga diskussiy* [Intellectual Rostov: A book of discussions], Rostov-na-Donu: Southern Federal University Press (in Russian).

Makarenko, V.P. (Ed.) (2016). *Rossiya — Ukraina: Peresmotr ili vosproizvodstvo politicheskikh paradig?* [Russia — Ukraine: Revision or reproduction of political paradigms?], Rostov-na-Donu: Southern Federal University Press (in Russian).

Zenkevich, S.I., Ermolaev, A.I., Muzrukova, E.B., Asheulova, N.A. (2020). *Pamyati glavnogo redaktora: Eduard Izrailevich Kolchinskiy (1944–2020)* [In memory of an editor in chief: Eduard Izrailevich Kolchinsky (1944–2020)], *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 12 (1), 127–137 (in Russian).